

«снимком» главаря закулисных деятелей в бундестаге является эпизод прихода молодой женщины Лоло фон Вид к Штерценбаху за помощью. В том садизме, с которым этот холеный политикан играет со своей жертвой, заставляя ее пройти сквозь самые изощренные унижения, мы видим, каким он был в дни нацизма и каким он будет, если неофашизм восторжествует.

Клаус Буцбах принадлежит к так называемому поколению «вернувшихся» или «уцелевших». Но что решительно отличает его от героев книг писателей, выступивших от имени этого поколения западногерманской молодежи,— это пол-

ное отсутствие в Клаусе трагической изломанности, того внутреннего надрыва, того пассивного отчаяния, которые свойственны, например, молодым героям Вольфганга Борхерта или Генриха Бёля. И здесь ощущается уже не только выражение симпатии Вайзенборна к этому поколению молодежи, но и его полемика с писателями известной литературной «группы 47». В своем романе Вайзенборн, пожалуй, впервые в западногерманской литературе заговорил о том, что уже наступило время, когда этому поколению пора подумать о *гражданском* возмужании. Именно на путь такого возмужания и встает

Клаус Буцбах, постепенно расстающийся со своей политической инфантильностью.

Одна из первых деклараций Клауса начинается словами: «Наш хлеб болен!». Под фундаментом банка вдовы Виолет обнаружена не разорвавшаяся авиабомба. Попытка тайно, не компрометируя прославленного банкирского дома, извлечь ее не увенчалась успехом. Эти два образа — банка, стоящего на угрожающей взрывом бомбе, и «больного хлеба» — становятся в романе как бы своего рода символом всего «построенного на песке» боннского режима.

В. Неделин

СБОРНИК ЭФИОПСКИХ СКАЗОК

□

Огонь на горе. Эфиопские сказки, записанные Харолдом Курлендером и Вулфом Леслау. Перевод с английского Б. Носика и И. Эйтвид. Москва, Издательство иностранной литературы, 1960. 102 стр.

□

Эта небольшая книжка вводит нас в многоцветный и самобытный мир эфиопского фольклора. Народная фантазия населила его львами и леопардами, шакалами и гиенами, она дала ему щедрые краски африканского пейзажа — желтизну пустыни, синь моря и суровую зелень леса, она заставила говорить ветер и шептаться траву. У некоторых сказок долгая история — одни пришли в Эфиопию с севера, из Аравии и Индии, другие — с юга, из Конго. Но большинство из них впервые было создано на этой земле.

В сказках отразилось живое и трезвое сознание народа, с его здравым смыслом и той неповторимой непосредственностью, которая всегда поражает в фольклоре. Здесь и бытовой анекдот, и притча, и неза-

тейливая историйка, и сказка басенного склада — с хорошей, по-житейски мудрой моралью. Трусость и жадность, глупость и коварство осмеиваются во множестве эпизодов и с неистощимой изобретательностью. Сквозь сказки как лейтмотив проходит мечта о справедливости, о счастливой доле труженика, о добре, торжествующем над злом. Поэтому алчный хозяин оказывается побежденным стойкостью бедняка, царь склоняется перед мудростью простого крестьянина, леопард уступает добычу зайцу, а мартышка побеждает свирепого хищника.

Сборник включает сказку «Золотая земля». В ней рассказывается о европейских путешественниках, пришедших на землю Эфиопии. Их приветствовал сам император, им преподнесли подарки и оказали знаки уважения. А когда европейцы уезжали, их попросили снять ботинки и счистить с них землю. Таков был народный обычай, и его следующим образом объяснили путешественникам: «Эта земля дорога нам. В нее мы бросаем семена, в нее мы закапываем мертвых. Мы ложимся на нее, когда отдыхаем от трудов, на ее лугах мы пасем свой скот.

Тропки, по которым вы шли из долины в горы, из степей в леса, — эти тропки протоптали ноги наших предков, наши ноги и ноги наших детей. Эфиопская земля и отец нам, и мать, и родной брат. Мы оказали вам гостеприимство, мы поднесли вам ценные дары. Но земля Эфиопии — самое ценное, что у нас есть, и поэтому мы не можем отдать вам и крупницы этой земли».

В сказках есть особый аромат. Аромат земли, которую народ назвал золотой.

Б. Гиленсон